

Гурждис В. А.

Тверской государственный университет, 2 курс

Научный руководитель: к.и.н. В. А. Антонцева

ТРАНСФОРМАЦИЯ УТОПИИ В АНТИУТОПИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

На сегодняшний день жанр «антиутопия» весьма популярен как в литературе, так и в кинематографе, однако современные произведения имеют мало общего с классической антиутопией Джорджа Оруэлла и Олдоса Хаксли, которая в некотором роде тоже является наследницей более раннего жанра и течения философской мысли — утопии, существовавшей еще в Древней Греции, но достигнувшей своего рассвета в Позднее Средневековье. И Томас Мор, написавший свой знаменитый по сей день труд «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», и Джордж Оруэлл, известный своими произведениями «Скотный двор» и «1984», были британцами, но придерживались абсолютно разных взглядов в том, что касалось государственного устройства. Каким же образом средневековая утопия превратилась в классическую антиутопию XX века? Причину следует искать в историческом контексте двух эпох.

В XVI веке в Англии начался процесс разложения феодальных отношений, а капитализм развивался с большей скоростью, чем в других странах Европы, чему способствовало более интенсивное первоначальное накопление капитала за счет экспроприации крестьянства и колониальных набегов на Ирландию. Главной отраслью промышленности стало сукноделие, на его долю приходилось около 81% всего английского экспорта. Для производства сукна лендлорды стали превращать свои владения в пастбища, поскольку земледелие стало менее выгодной сферой деятельности. Они не только отбирали общинные земли, но и сгоняли крестьян-держателей с их наделов, а захваченные земли обычно огораживали частоколами, канавами, живой изгородью, сдавали их в аренду крупным фермерам-скотоводам за высокую плату, а иногда и сами разводили на этих землях большие стада овец или превращали их в парки для охоты. Этот процесс насильственной экспроприации крестьянства получил название «огораживания». Нередко и зажиточные крестьяне, чтобы освободиться от стеснительных порядков общинного землепользования, мешавших им повысить доходность своего хозяйства, огораживали общинные пастбища и свои наделы. Это нарушало общинные порядки землепользования и разоряло односельчан [Сапрыкин URL].

Огораживания привели к тому, что число нищих и бродяг возросло, и это стало важной проблемой в эпоху Тюдоров. Акт против бродяг и нищенствующих (1495 г.) стал первым в целом ряду статутов, включавшем

несколько особых законов о бедных (1531, 1536, 1572, 1598, 1601 гг.). В 1572 г. был введен обязательный налог в пользу бедных; актом от 1597 г. поощрялось создание домов призрения и работных домов; а в 1598 г. облегчение участи бедняков было включено в обязанности отдельных приходов. Однако положение оставалось крайне тяжелым, особенно для трудоспособных мужчин, не имевших возможности найти работу, так как они попадали под категорию бродяг и мошенников [Блэк 2008: 153]. Не все бедные могли рассчитывать на помощь от государства: Генрих VIII разрешил собирать милостыню только старикам и не способным трудиться нищим, а работоспособных бродяг приказал бичевать и после этого брать с них клятвенное обязательство возвратиться в родные места и "приняться за труд". Если бродягу ловили второй раз, то его снова бичевали и отрезали ему половину уха, а на третий раз казнили как преступника. Эдуард VI позволил уклоняющегося от работы бродягу брать в рабство тому, кто донесет о его статусе властям. Действовал тот же принцип: за первый побег раба клеймили, выжигая слово «slave» (англ. «раб») на щеке, за второй побег клеймили вторую щеку, а за третий казнили как преступника. Все это должно было привести к притоку рабочей силы в создаваемые мануфактуры и развитию промышленности [Сапрыкин URL].

Томас Мор в «Утопии» писал об огораживаниях так: «Ваши овцы, обычно такие кроткие и довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города» [Мор 2015: 27]. Речь шла, безусловно, не об овцах, а о лордах, которые отбирали у крестьян земли и возможность зарабатывать себе на жизнь в условиях развития капиталистических отношений. Главная проблема, по мнению Мора, заключалась в частной собственности и деньгах: «По-моему, где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел. Но если она (частная собственность) останется, то и у наибольшей и наилучшей части населения навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей» [Мор 2015: 54]. В совершенной «Утопии» Т. Мора частная собственность полностью отсутствует. Утопия — демократия с монархом во главе, и жизнь в ней полностью регулируется государством [Мор 2015: 65-66]. В основе хозяйства лежит всеобщая трудовая повинность, при этом каждый должен отработать определенный срок в сельском хозяйстве и изучать какое-то ремесло. Одежда у всех одинаковая, неизменная и постоянная на все время. «Главное и почти исключительное занятие сифогрантов (должностные лица в Утопии) состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом» [Мор 2015: 66]. Важной характеристикой этого государства является наличие рабов, которые выполняют всю черную работу. Рабами становятся осужденные преступники. По мнению

Мора, использовать их труд для общего благосостояния человечней, чем казнить их [Мор 2015: 105]. Утопийцы могут исповедовать любую религию, запрещен только атеизм, при этом должностные лица следят за тем, чтобы граждане Утопии проводили свой досуг надлежащим образом: женщины и мужчины должны сохранять целомудрие до брака, а после хранить верность супругам [Мор 2015: 66]. Таким образом, Томас Мор стал автором первой стройной социалистической системы.

За период, отделяющий эпоху Мора от эпохи Оруэлла, в Англии произошли кардинальные изменения. Страна пережила Гражданскую войну, Славную революцию, потеряла американские колонии, вступила в Первую мировую войну и вышла из нее победительницей, но капиталистический уклад остался незыблемым. Как империя Великобритания уже давно достигла своего пика и приближалась к неминуемому краху, однако ее культура успела принять черты других народов, зависимых от своей метрополии. Наука развивалась с беспрецедентной скоростью: технологические новшества и преобразования наблюдались во всех сферах человеческой деятельности. Почитаемое Мором сельское хозяйство из общинной деятельности превратилось в индивидуальное, а большинство сельского населения устремилось в города. Распространение радио, а затем телевидения способствовало формированию «потребительского общества» [Блэк 2008: 390]

Появление СССР на международной арене комментировалось государственными и общественными деятелями по-разному: кто-то относился скептически, а кого-то пугала мысль о возможности распространения коммунизма и тоталитарного режима по всему миру. В частности, Джордж Оруэлл относился ко второй группе людей. Он не единожды выступал с резкой критикой советской власти в своих эссе и рецензиях и посвятил ненавистному тоталитаризму строю два своих самых знаменитых произведения — «Скотный двор» и «1984» [Оруэлл 2018: 125]. «1984» — поистине пугающая антиутопия, которая держит своих читателей в напряжении с первых страниц и до самого конца. Тоталитаризм в ней достиг своего апогея, ведь государство буквально контролирует мысли своих граждан. Светлая идея Мора о всеобщем равенстве доведена до абсурда: мир Оруэлла — это общество, полностью лишенное прав [Оруэлл 2015: 20]. Рецензируя Е. Лайонса «Пребывание в утопии», он выделил следующие строки: «Формулы «Пятилетка в четыре года» и « $2 \times 2 = 5$ » постоянно привлекали мое внимание ... вызов и парадокс, и трагический абсурд советской драмы, ее мистическая простота, ее алогичность, редуцированная к шапкозакидательской арифметике» [Чаликова 1989: 223]. Таким образом, формула « $2 \times 2 = 4$ » у него — символ свободы, а « $2 \times 2 = 5$ » — чистейший тоталитаризм. Однако Оруэлл никогда не был противником социализма — он лишь проводил грань между

последним и опытом Советского Союза. «Социализм, если он значит только централизованное управление и плановое производство, не имеет в своей природе ни демократии, ни равенства», — писал Оруэлл в рецензии на книгу Дж. Бернхэма «Революция управляющих» [Чаликова 1989: 224]. Будучи свидетелем революции в Испании, он говорил о социализме так: «Это было общество, где надежда, а не апатия и цинизм была нормальным состоянием, где слово «товарищ» было выражением непритворного товарищества... Это был «живой образ ранней фазы социализма» [Чаликова 1989: 224].

С развитием общества, с внедрением новшеств менялись и общественные идеалы и ценности. Гуманист Томас Мор, будучи свидетелем бурного развития капитализма, видел главную проблему нищих в частной собственности, поэтому в его идеальном мире она полностью отсутствовала, и все члены этого общества были равны. Наблюдая за развитием тоталитарного государства, Оруэлл предвидел, к чему вела бесконтрольная власть над всеми сферами жизни: личность полностью стиралась, общество превращалось в серую массу с одной общей мыслью, внедряемой в умы правительствующей партией. Если для Мора рабский труд — вполне обычное явление, то для Оруэлла он неприемлем. Таким образом, смена экономических формаций и связанные с этим общественно-политические процессы повлияли на мышление писателей, превратив утопию в антиутопию.

ЛИТЕРАТУРА

- Блэк Д. История Британских островов. СПб.: Евразия, 2008. 540 с.
Мор Т. Утопия. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
Оруэлл Д. 1984. М.: Издательство АСТ, 2015. 318 с.
Оруэлл Д. Скотный двор; Эссе. М.: Издательство АСТ, 2018. 256 с.
Сапрыкин Ю. М. История Средних веков [Электронный ресурс]. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000210/st015.shtml> (дата обращения: 19.04.2019).
Чаликова В. А. Несколько мыслей о Джордже Оруэлле // Знамя. 1989. №8. С. 222-225.